

Страна Волшебной Ночи.

Микаэли Вудъ.

Ты пораженъ, мой другъ и братъ Фергусъ, что я, изъ породы, которая *не* прощаетъ, пощадилъ жизнь Муртага Краснорукаго, того Муртага, который нанесъ мнѣ обиду, не переносимую даже и для тѣхъ, у кого кровь переливается безстрастно въ жилахъ, ибо человѣкъ этотъ предалъ меня, и его измѣна тѣмъ чернѣе, что онъ былъ мой молочный братъ и мы были связаны узами крови, расторженіе коихъ постыдно. Сверхъ того, я довѣрялъ ему, и потому, когда я узналъ о его предательствѣ, моя любовь превратилась въ лютую ненависть, и я гналъ за нимъ съ жаждой настичь и убить его. Но когда я ворвался въ его домъ, его уже не было, онъ бѣжалъ отъ меня. Я сжегъ его имущество, я сравнивалъ съ землей его жилище, я убилъ всѣхъ присныхъ его, которые попались въ мои руки. Одинъ изъ нихъ, желавшій спасти свою собственную жизнь, открылъ мнѣ, что Муртагъ бѣжалъ въ *Домъ Дубовой Равнины* искать тамъ спасенія въ святилищѣ, ибо надѣялся, что я побоюсь нарушить святость мѣста, гдѣ люди отдаютъ свою жизнь Богу и гдѣ царствуетъ законъ мира и благоволенія. Я повѣсилъ человѣка, предавшаго Муртага, моего врага, ибо онъ трусливо измѣнилъ своему господину, а когда я раздѣлался съ предателемъ, я продолжалъ свой путь въ одиночествѣ, оставивъ свиту свою у пылающихъ развалинъ жилища того, кого я искалъ убить. Мои люди падали отъ усталости и нуждались въ отдыхѣ и пищѣ, но я, я весь горѣлъ жаждой мести и я сказалъ въ сердцѣ своемъ, что не будетъ для меня отдыха, пока я не убью своего смертельнаго врага, и я убью его, даже если-бы онъ оказался въ святой церкви, прильнувшимъ къ самому алтарю. Всѣ,

кто зналъ меня въ тѣ дни, когда онъ нанесъ мнѣ смертельную обиду, и даже всѣ тѣ, которые узнали меня позднѣе, когда утихла моя горячая кровь, дивятся, почему я не убилъ его, почему не воспользовался правомъ праведной мести. Они презирали меня, какъ человѣка, перенесшаго глубокое оскорбленіе и оставившаго своего кровнаго врага невредимымъ, и если они не задавали мнѣ оскорбительныхъ вопросовъ, то только потому, что боялись меня.

Но тебѣ, мой другъ Фергусъ, я раскрою всю истину, изъ любви и дружбы, которая связала насъ двухъ, обучавшихся вмѣстѣ искусству войны и охоты, а также и мирной гражданственности, при дворѣ моего славнаго отца. Мало того, ты остался вѣренъ мнѣ, ты не сомнѣвался, что у меня были достойная причина и важная цѣль, когда я поступалъ такъ. И поэтому тебѣ одному я скажу, что произошло со мной въ ту волшебную ночь, когда я преслѣдовалъ Муртага Краснорукаго, моего врага.

Одинъ я былъ, когда преслѣдовалъ его, и когда солнце зашло, а туманы поползли сѣрой пеленой, я приблизился къ холму *Царицы Эйтене*, который пользуется дурною славой, ибо когда-то тамъ былъ древній алтарь и происходило богослуженіе язычниковъ, и многіе видѣли порхающіе тамъ огоньки и слышали шопотъ и пѣніе, хотя никого не было вокругъ, кто могъ бы разговаривать или пѣть; и въ другое время я ни за что не рѣшился бы приблизиться къ демонамъ этого проклятаго холма послѣ солнечнаго заката, когда волшебныя чары занимаютъ надъ нашей страной; но, запомни себѣ хорошенько, братъ мой Фергусъ, въ моему сердцу въ тотъ день жилъ демонъ несравненно сильнѣйшій, чѣмъ всѣ демоны холма, и я продолжалъ свой путь, направляясь къ *Дубовой Равнинѣ*.

Сухой верескъ перезванивалъ, колеблемый вѣтромъ, холмъ былъ окутанъ темно-сѣрыми тѣнями, сонный ручей медленно извивался вокругъ подножія холма. Я остановился у ручья, я приникъ къ нему, чтобы остудить его холодной болотистой водой свою пылавшую голову; кровь билась и звенѣла подъ моимъ черепомъ, волнуемая и быстрой ходьбой и смертельной ненавистью, раздиравшей мое сердце. Я боялся, что гнѣвъ задушитъ меня ранѣе, чѣмъ я убью врага своего.

Когда я поднялся на ноги, я увидѣлъ сѣрый могильный камень *) на холмѣ, и на немъ стоялъ кто-то и смотрѣлъ на меня.

*) Сіаги надгробный камень на могилѣ древнихъ вождей сѣверныхъ народовъ.

Несмотря на всю мою ярость, кровь начала стынуть въ моихъ жилахъ; я зналъ, что никто во всей странѣ не осмѣлится стоять на могилѣ Эйтене послѣ захода солнца; но моя упорная воля убить Муртага, моего врага, была какъ бы щитомъ для меня: я задушилъ бы самого Сатану, если бы онъ явился въ человѣческомъ видѣ, чтобы стать между мною и врагомъ моимъ.

Стоявшій на могильномъ камнѣ спрыгнулъ на землю и направился ко мнѣ. Зная, какъ бесполезно бѣгство при встрѣчѣ съ *Одинокими*, бесполезнѣе даже, чѣмъ при встрѣчѣ съ цѣлой толпой болотной нечисти, которая забавляется тѣмъ, что наводитъ чары на людей, я выдержалъ и неподвижно ожидалъ приближающагося. По его размѣрамъ и походкѣ я былъ убѣжденъ, что передо мной былъ одинъ изъ *Одинокихъ*, а не кто-либо изъ *маленькаго народа Эйтене*.

Когда онъ приблизился, я подумалъ, что онъ такой же человѣкъ, какъ и я; молодой, съ мертвенно-блѣднымъ лицомъ, тонкимъ и исхудалымъ, съ большими черными глазами и спутанными черными кудрями; онъ былъ босъ и закутанъ въ одежды, выцвѣтшія отъ солнца и дождей; въ рукахъ у него былъ небольшой ивовый пруть; по крайней мѣрѣ такимъ показался онъ мнѣ. Онъ стоялъ на другой сторонѣ ручья:

„Привѣтъ и миръ тебѣ, *Угтредъ у Мечей*“,—сказалъ онъ; ибо такъ они называли меня, какъ тебѣ извѣстно, благодаря моимъ искуснымъ воинамъ, вооруженными мечами, которые были послушны каждому мановенію руки моей.

„Привѣтъ твой принимаю“,—отвѣтилъ я,—„а миръ пусть остается при тебѣ“.

На это онъ разразился смѣхомъ, и я почувствовалъ, какъ кровь снова стынетъ въ моихъ жилахъ.

„Охотишься по слѣдамъ?“ спросилъ онъ.

„Да“,—отвѣтилъ я,—„и я настигну свою добычу и убью ее ранѣе, чѣмъ взойдетъ солнце“.

„Твоя добыча—Муртагъ Краснорукій“,—сказалъ онъ,—„но онъ уже достигъ *Сада Душъ, соединенныхъ Воедино*“.

„Неправда“,—отвѣтилъ я,—„онъ въ *Домъ Дубовой Равнины* ищетъ у святилища спасенія; но я убью его и тамъ, у самага алтаря, хотя бы душа моя и погибла навѣкъ“.

„Да, Угтредъ у Мечей“,—сказалъ онъ небрежно,—„ты зовешь это *Дубовой Равниной*, а мы зовемъ *Садомъ Душъ, соединенныхъ Воедино*, ибо ты говоришь однимъ языкомъ, а мы—другимъ. Но на зарѣ человѣкъ тотъ снова побѣжитъ, ибо такіе, какъ онъ, не

знають покоя, а тебя заколдуетъ маленькій народъ Эйтене,— они любятъ такую потѣху—и ты будешь скитаться здѣсь, пока не пропоеть пѣтухъ, а возможно, что и дождешься своей гибели“.

Въ словахъ его была правда: я и безъ того сбился съ пути и, понявъ это, заскрежеталъ зубами.

„Что дашь ты мнѣ, Угтрედъ у Мечей“,—сказалъ онъ,—„если я приведу тебя къ *Саду Душъ, соединенныхъ Воедино*, передъ восходомъ солнца“?

„Но доведешь ли ты меня безъ обмана“?—спросилъ я,—„ибо мерещится мнѣ, что ты—изъ людей Муртага и обманешь меня, если это только удастся тебѣ“.

„Нашъ народъ не нарушаетъ даннаго слова“,—отвѣтилъ онъ,—„мы были бы безсильны. какъ младенцы, если бы не держались своего слова: я проведу тебя вѣрной дорогой, но ты долженъ слѣдовать за мной черезъ *Страну Волшебной Ночи*, чтобы достигнуть того мѣста“.

„А теперь“,—сказалъ я ему,—„человѣкъ ты, или принадлежишь къ нечисти Эйтене, я убѣдился, что ты лжешь, ибо я знаю то мѣсто, и нужно идти туда по дорогѣ, ведущей черезъ мою собственную страну, чтобы достигнуть *Дубовой Равнины*“.

„Угтрэдъ у Мечей“,—отвѣтилъ онъ,—„я не отдамъ тебѣ назадъ той лжи, которую ты бросилъ въ меня, ибо когда дѣти лепечуть вздоръ, они не лгутъ, неправда ихъ не умышленна. Слушай же, что скажу я тебѣ: знать скорлупу яйца—не значитъ знать его желтокъ; знать оболочку плода—не значитъ знать его сердцевины; знать наружность человѣка—не значитъ знать *самого* человѣка; знать эти холмы и долины—не значитъ знать *Страну Волшебной Ночи*“.

„Скажи мнѣ, вести тебя къ саду, о которомъ я говорилъ?“

„Если ты проведешь меня туда“,—сказалъ я,—„я свяжу себя узами крови съ тобою и буду вѣрно служить тебѣ, я, и всѣ мои, во всѣхъ твоихъ битвахъ и я отомщу за твою смерть, если проживу дольше тебя“.

„Совсѣмъ не требуется столь великаго дара“,—отвѣтилъ онъ.—

„Лишь разрѣши, чтобы я дотронулся концомъ этого прута до твоего лба и твоей груди, и тогда ты навѣрно достигнешь *Сада Душъ, соединенныхъ Воедино*, ранѣе, чѣмъ Муртагъ обратится въ бѣгство изъ *Дубовой Равнины*“.

Я замѣтилъ лишь впоследствии, что онъ говорилъ постоянно о святомъ мѣстѣ, какъ о *Саду*, когда же говорилъ о Муртагѣ, онъ называлъ то же мѣсто *Дубовой Равниной*. И вдругъ на меня

напалъ въ первый разъ въ жизни страхъ. Я стиснулъ зубы и отвѣтилъ:

„Да будетъ по твоему; принимаю твой договоръ, но если ты обманешь, я убью тебя“!

Онъ улынулся и перешагнулъ черезъ ручей; онъ прикоснулся концомъ прута между моихъ глазъ и около сердца. У меня закружилась голова, и я упалъ на землю, но я помню, какъ онъ поднялъ меня, и если говорить правду, я не зналъ: вышелъ ли я изъ тѣла, или оставался въ тѣлѣ, и не знаю того и понынѣ.

„Пойдемъ“,—сказалъ онъ.—„Теперь я поведу тебя, Угтрעדъ у Мечей“.

„Въ *Дубовую Равнину*?“—спросилъ я.

„Въ *Садъ Душъ, соединенныхъ Воедино*“.

Этотъ *Домъ Дубовой Равнины* былъ уединенной церковью, выстроенной изъ дерна, глины и изъ плетней; вокругъ были расположены хижины людей, которые выстроили ее; двѣнадцать ихъ было, и надъ ними—начальникъ: тринадцать всего. Они жили вмѣстѣ въ тихой долинѣ и были они преданы постами и молитвамъ, бодрствованію и созерцанію и высокими думами о великихъ божіихъ тайнахъ. Мой путеводитель шелъ на шагъ впереди меня, и теперь я увидалъ, что тѣло его свѣтилось. Ступни его ногъ освѣщали почву, а ивовый пруть въ его рукѣ пламенѣлъ словно въ огнѣ. И вся страна—моя собственная, хорошо мнѣ знакомая страна, гдѣ я столько разъ охотился за оленемъ и за дикимъ вепремъ—свѣтилась вся; вездѣ, куда ни взглянешь, воздухъ дрожалъ въ волнахъ блѣднаго свѣта. Мы спустились съ холма и, покинувъ долину Эйтене, подошли къ лѣсу. Это былъ густой, перепутанный лѣсъ. Я совсѣмъ не зналъ этого мѣста, но тотъ, кто велъ меня, нашелъ тропу, и мы быстро пошли по ней. Тропа спускалась внизъ въ долину, а затѣмъ поднималась снова на вершину холма. Деревья окружали насъ со всѣхъ сторонъ, и когда мы шли, я видѣлъ, какъ туманъ медленно подвигался вдоль тропы и, расплываясь, струился по всему лѣсу; но этотъ туманъ не былъ сырмъ и влажнымъ, разстилающимся какъ холодный призракъ надъ землею; это былъ чистый огонь, свѣтящійся, но нежигающій; туманъ изъ тонкаго трепещущаго пламени, легко несущагося подобно дыханію тончайшей жизни, и я раздумывалъ: не было ли это во истину тѣмъ огнемъ жизни, всегда текущимъ, всегда пробѣгающимъ по странѣ, невидимо для насъ, пока глаза наши не раскроются *Одинокими*, чтобы показать намъ чудеса *Страны Волшебной Ночи*.

Я чувствовалъ, какъ силы мои выросали въ тысячу разъ по мѣрѣ того, какъ мимо меня проносился тотъ пламенный туманъ. Мнѣ казалось, что онъ стремится изъ какого-то невидимаго мѣста, гдѣ пребываетъ великая и страшная сила, и по мѣрѣ того, какъ мы двигались впередъ, силы внутри меня росли въ такой степени, что я съ трудомъ могъ выносить ихъ. Подъ конецъ тропа привела насъ къ открытой круглой полянѣ, окаймленной стѣной изъ деревьевъ; почва была покрыта блѣдной, сухой травой, густой и щетинистой, поблѣвшей отъ зимнихъ морозовъ и дождей; внутри круга видѣлись согнутыя деревца съ безлиственными сѣрыми вѣточками и кусты терновника всѣ въ бѣлыхъ цвѣткахъ. И все, что я видѣлъ передъ собой: покрытая травой поляна, и сѣрыя деревца, и молочно-бѣлые цвѣты, все это было словно выдѣлано изъ серебра, мѣстами матоваго, мѣстами блестящаго, и поверхъ всего этого проносился туманъ изъ дрожащаго, волнующагося фіолетоваго пламени. Въ серединѣ круга возвышался алтарь изъ бѣлаго камня въ формѣ креста, а на немъ видѣлось ничто, прикрытое чистой льняной тканью.

Человѣкъ, который велъ меня, остановился.

„То, чѣмъ прикрытъ алтарь“,— сказалъ онъ,—„есть облаченье святѣйшаго изъ святыхъ, сошедшаго съ небесъ, которому надлежитъ вознестись съ великой славой. Хочешь ли увидать его одѣяніе, Угтрედъ у Мечей“?

И тогда я испыталъ страхъ передъ этимъ мѣстомъ, и я боялся прикоснуться къ одѣянію столь святому, и все же я подошелъ къ алтарю и сорвалъ льняную ткань, и вдругъ! На алтарѣ я увидалъ тѣло человѣка, и человѣкъ этотъ былъ Муртагъ Краснорукій, мой врагъ. И онъ лежалъ словно погруженный въ сонъ.

И тогда моя жажда крови этого человѣка распалилась съ еще большей яростью благодаря волшебной силѣ мѣста и благодаря тому огню, который проносился черезъ меня. Я выхватилъ мечъ и вонзилъ его въ грудь спящаго человѣка, и вотъ! то не Муртагъ лежалъ на алтарѣ, а я—Угтредъ у Мечей, и я зналъ, что я закололъ себя самого.

И пока я переводилъ духъ, весь дрожа отъ ужаса, человѣкъ и алтарь исчезли; я стоялъ съ мечомъ въ ножнахъ посреди мерцающаго серебромъ круга, опоясаннаго темными деревьями, и освѣщеннаго двигающимися волнами фіолетоваго огненнаго тумана.

Я обернулся къ человѣку, который велъ меня:

„Я не могу убить тебя“—сказалъ я.—„Ты изъ *Одинокихъ*, живущихъ въ *Странѣ Волшебной Ночи*, и я дивлюсь, какъ могъ ты

осмѣлиться, днемъ или ночью, привести меня къ святому дому христіанскихъ братій“.

„Гдѣ ты намѣревался совершить убійство“,—сказалъ онъ.

„Но тотъ человѣкъ оскорбилъ меня“,—отвѣтилъ я угрюмо.— „Я ненавижу его. Но все же я Христіанинъ, а ты изъ породы *Одинокихъ*“.

„Угтрედъ у Мечей“,—отвѣтилъ онъ мнѣ,—„повѣрь ты вотъ чему: какъ ты не можешь убить меня, такъ же не можешь ты убить и этого Муртага, и себя самого. Ты говоришь, что я изъ породы *Одинокихъ*? Возьми себѣ, что ты сказалъ: не я, а ты изъ породы *Одинокихъ*, ибо ни вверху, ни внизу, ни въ цѣлой вселенной нѣтъ ничего болѣе одинокаго, чѣмъ душа, которая ненавидитъ. И не думай ты, одинокій человѣкъ, что я отвлекалъ тебя отъ твоего врага или ставилъ препятствіе твоей ненависти... Убивай, если хочешь, ненавидь, если хочешь, и собирай жатву ненависти. Что же до твоего изумленія, что я осмѣдился приблизиться къ святому дому христіанскихъ братій, узнай ты истину: небо и земля со всѣмъ, что содержитсяъ въ нихъ чистаго и нечистаго, злого и добраго, сливаются въ единый Святой Домъ для душъ, соединенныхъ Воедино, къ которымъ принадлежу и я, и мои братья, и эти люди, достигшіе святости“.

Я послѣдовалъ за нимъ въ молчаніи. Его слова звучали въ моихъ ушахъ. Я думалъ о томъ, что небеса накажутъ меня за оскверненіе святилища, но я готовъ былъ и на смерть, до того велика была въ моемъ сердцѣ жажда крови.

И я увидалъ высоко на одинокой горѣ небольшую хижину, въ которой горѣлъ огонь, подобно яркой звѣздѣ. За недѣлю передъ тѣмъ я охотился на кабана въ этихъ лѣсахъ и тогда этой хижины не было на горѣ.

„Кому принадлежитъ эта хижина?“ спросилъ я.

„Это хижина Угтрета Святого“,—отвѣтилъ онъ,—„милосерднаго къ грѣшникамъ, любителя всего, что живетъ“.

„Я не зналъ до сихъ поръ“,—сказалъ я,—„что ношу имя святого“.

Я посмотрѣлъ на свѣтъ, и какой-то магической властью я, стоявшій въ болотистой равнинѣ близъ покрытаго кувшинками озера, могъ видѣть внутри горной хижины; тамъ сидѣлъ человѣкъ въ льняныхъ одеждахъ; мои глаза и его, въ которыхъ свѣтилось безпредѣльнее терпѣніе, встрѣтились. И вотъ! Хотя онъ и не былъ похожъ на меня, я зналъ навѣрно, что это былъ я, Угтрэдъ у Мечей, что я сидѣлъ внутри хижины. Я отвернулся и бросился

бѣжать; я бѣжалъ стремительно, словно перепуганный конь, несущійся по равнинѣ. Когда же я остановился и обернулся назадъ, я увидѣлъ и хижину, и свѣтъ на томъ же мѣстѣ горы. Многое изъ всего, что я видѣлъ въ ту ночь, исчезало изъ моего кругозора; но каждый разъ, когда я оборачивался къ горѣ, я неизмѣнно видѣлъ хижину Угтреда Святого, любителя всего, что живетъ, пребывающаго на горѣ, съ окномъ, изъ котораго изливался свѣтъ, подобный лучистой звѣздѣ.

А я, Угтредъ грѣшникъ, ненавидящій Муртага Краснорукаго, трепеталъ отъ ярости и страха, ибо внутри меня была увѣренность, что никогда я не могу сорвать и уничтожить хижину, въ которой Угтредъ Святой пребываетъ въ неизмѣнномъ терпѣннѣи и ждетъ.

Человѣкъ, обѣщавшій провести меня, былъ рядомъ со мной, но я ужъ не нуждался въ указаніи, я зналъ мѣсто и быстро направился, чтобы скорѣй совершить свою месть. Наконецъ мы достигли вершины холмовъ надъ *Дубовой Равниной*. Эти холмы возвышались кольцомъ надъ долиной; откосы ихъ были покрыты зеленой травой; посреди луговой долины протекалъ потокъ; у потока стояла церковь, построенная въ видѣ креста, а кругомъ—хижины: двѣнадцать стояли въ кругу, тринадцатая въ серединѣ.

„Смотри“,—сказалъ стоявшій около меня,—„то *Садъ Душъ, соединенныхъ Воедино*, Угтредъ у Мечей“!

И сказавъ это, онъ дотронулся до меня дважды и трижды прутомъ, который былъ въ его рукѣ, и церковь и хижины исчезли изъ моихъ глазъ.

И тогда я увидѣлъ большой очагъ свѣта, озарившій всю долину, и въ немъ, подобно быстрымъ колесамъ, вращались различные цвѣта, то устремляясь въ пространство, то возвращаясь назадъ въ пламенный центръ; и та сфера никогда не останавливалась, но двигалась движеніемъ, не передаваемымъ человѣческимъ языкомъ; ангеламъ сродное было то движеніе, и не было въ немъ ничего земного. Сверкающіе цвѣта пѣли всѣ вмѣстѣ и издавали прекрасные звуки, сливашіеся въ стройномъ сочетаніи, болѣе нѣжномъ, чѣмъ самый прекрасный хоръ; отъ большой сферы, съ ея различными цвѣтами и звуками, понеслись впередъ и назадъ, на востокъ и на западъ, на югъ и на сѣверъ, тѣ огненные туманы, которые расходились потоками по всей странѣ. Отъ времени до времени, изъ невидимаго сердца свѣтовой сферы вырывалось голубоватое пламя, подобное отраженному на переливавшемся перламутрѣ лунному свѣту. И когда это случалось, вся большая

сфера трепетала, какъ живое тѣло, потрясенное невыразимой радостью и блаженствомъ, превышающимъ человѣческое пониманіе; разнообразные оттѣнки загорались ярче, ихъ пѣніе становилось нѣжнѣе, струи огненного тумана неслись быстрѣе и быстрѣе.

Когда я узрѣлъ это чудо *Страны Волшебной Ночи*, я почувствовалъ, что оно превышаетъ мои силы; я упалъ на землю и лежалъ тамъ, погруженный въ глубокое забытѣе. Когда я пришелъ въ себя, я лежалъ на холмѣ, возвышающемся надъ *Дубовой Равниной*. Предразсвѣтное небо было еще темно; изъ церкви доносилось пѣніе братьевъ, которые построили ее,—*Душъ, соединенныхъ Воедино*. Ихъ невидимая жизнь имѣла власть надо мной, хотя она стала снова незримой для меня. и я уже не видѣлъ ея живого пламени, проносившагося по странѣ, когда свѣтъ вырывался наружу изъ нѣдра *Душъ, соединенныхъ Воедино*.

Взглянувъ внизъ, я увидалъ человѣка, со страхомъ прокрадывавшагося изъ церкви и пугливо озиравашагося по сторонамъ. Я зналъ, что это былъ Муртагъ Краснорукій, мой врагъ, но теперь человѣкъ этотъ былъ для меня не болѣе тѣхъ тумановъ, которые сливались въ облака на вершинѣ холма. Я слѣдилъ, какъ онъ осторожно крался, подобно лисицѣ, спасающейся въ свою нору. Сидя на холмѣ, я слѣдилъ за нимъ; когда же онъ исчезъ, я спустился внизъ, приблизился къ церкви и сталъ ждать, когда тѣ, которые пѣли внутри, окончатъ свой торжественный хвалебный гимнъ.

Пер. съ англійскаго Е. П.

